

Прошло три часа. Я выпил немало чая и перекусил, так что сухости во рту не чувствовалось. Доктор У улыбнулся:

— Уже полдень, на сегодня утренний прием окончен, поговорим в следующий раз. Цзюньянь, ты очень интересен, с нетерпением жду нашей следующей встречи.

— Возможно, следующей встречи и не будет, — промолвил я после паузы. — Перед тем как прийти, Ян Чэнь, наверное, рассказал тебе о моей ситуации.

Доктор У владел искусством беседы, умело направляя и контролируя тему разговора. Хотя я осторожно избегал некоторых словесных ловушек, за утро он, вероятно, уже составил предварительное мнение о моем состоянии.

Он действительно замолчал на миг и с легкой досадой сказал:

— Цзюньянь, ты очень трезво мыслишь и точно понимаешь свое состояние. Как ты сам сказал... ты очень хорошо уживаешься с депрессией.

— Просто привык, — ответил я. — Как ты думаешь, как я сейчас?

— Конкретно сказать нельзя, основываясь только на моем субъективном мнении, но есть некоторые расхождения с тем, что мне рассказал господин Ян об умеренной депрессии, — сказал он. — Ты готов сказать мне правду?

— Я просто подшутил над ним, а он, глупый, поверил. Если бы у меня действительно была умеренная депрессия, да еще и без лекарств четыре месяца, я бы уже давно умер, а не сидел здесь и разговаривал с тобой, — я потянулся и небрежно добавил. — Но и не совсем врал. Было время, когда я действительно был в таком состоянии, тогда самоубийство казалось инстинктом, и только два года приема лекарств и шесть часов профессиональной психологической помощи в неделю помогли мне... как бы это сказать? Выжить. Сейчас мне намного лучше.

Доктор У тихо спросил:

— Можешь рассказать, как тебе удалось поправиться?

— Прежде чем ответить, не мог бы ты не говорить Ян Чэню правду? Хотя консультации оплачивает он, но пациент здесь я, — я взглянул на Ян Чэня, который сидел в зале ожидания на диване, скучающе листая книгу. — Если он узнает, что я его обманул, то точно разозлится. Ты можешь сказать ему, что твое лечение очень эффективно, и я значительно улучшился. Так я получу его внимание, и мы оба выиграем.

Он задумался на мгновение:

— Цзюньянь, я не думаю, что ты тот человек, который использует такие методы, чтобы привлечь внимание любимого.

— Ну... любовь делает людей слепыми, — я на миг растерялся. — Вокруг Ян Чэня много поклонников, я хочу, чтобы он смотрел только на меня.

Эти слова вызвали у меня мурашки, и доктор У, кажется, заметил мою неуклюжую попытку объяснения, но не стал углубляться:

— Ладно. В качестве обмена, в следующий раз я хочу, чтобы ты прошел психологическую оценку и рассказал мне настоящие причины. К счастью, по крайней мере до завершения твоей выставки, ты, вероятно, не будешь рисковать жизнью.

Оказывается, он давно понял, что я уклоняюсь от ответов, но все это время продолжал разговор. Я кивнул:

— Спасибо, доктор У.

Он настойчиво спросил:

— Ты еще не сказал, почему вдруг поправился? Потому что развязал узел в душе?

— Нет... — я покачал головой. — Потому что произошло одно событие. Ой, я проголодался, пойдем поедим, в следующий раз расскажу.

Доктор У с легкой досадой открыл дверь, чтобы проводить меня:

— В следующий раз не забудь.

— Не забуду, — Ян Чэнь отложил книгу и подошел ко мне. Я обернулся и улыбнулся доктору У.
— Я всегда помню.

В том апреле несколько дней стояла необычайная жара. Я, как обычно, пошел в бар выпить, чтобы заглушить боль, и тут подошел симпатичный мужчина, чтобы познакомиться. В хорошем настроении я немного поговорил с ним. Неожиданно начался приступ, мне стало трудно дышать. Едва найдя пузырек с лекарством, я обнаружил, что крышка была плохо закрыта, и оставшиеся таблетки слиплись в комок. Я проглотил слишком много лекарств, и они застряли в горле, вызывая тупую боль.

Он предлагал мне выпить одну рюмку за другой, и жгучая жидкость, казалось, смягчала боль в сердце и горле. Мне так хотелось обнять кого-то, что, не обращая внимания на окружающих, я схватил его за воротник и зарыдал. Он успокаивающе похлопывал меня по спине, и в моем помутненном сознании появилось смутное чувство безопасности, скрывающее странность этого чересчур доброго незнакомца.

На следующее утро я проснулся в гостиничной кровати.

Что доктор У сказал Ян Чэню, я не знаю, но, судя по спокойному выражению лица Ян Чэня, меня, вероятно, не разоблачили. Спускаясь вниз, мы стояли в лифте вдвоем. Он мягко взял меня за руку, и я, делая вид, что мне всё равно, спросил:

— Что доктор тебе сказал?

— Сказал, что на этот раз лекарства тебе не выпишет, а решит в следующий раз, когда мы придем, — ответил он. — Сюй Цзюньянь, как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

Психологическая помощь — это долгий процесс, она не может работать так быстро, как лекарства. Мне стало немного смешно, но, взглянув на слегка тревожное выражение лица Ян Чэня, я почувствовал сложные эмоции и в итоге просто кивнул:

— Нормально.

Он крепче сжал мою руку:

— На следующей неделе я снова приду с тобой.

— Ты не занят?

— Не настолько, чтобы не выкроить один день.

Ян Чэнь взглянул на меня, внезапно наклонился и поцеловал. Я слегка отстранился, взглянул на камеру над лифтом и нахмурился:

— Там камера...

— Ничего страшного, — он горячо и порывисто поцеловал меня. Я покорно отвечал на его поцелуй, краем глаза наблюдая, как этажи быстро сменяются, и только почувствовав замедление, оттолкнул его:

— Скоро приедем.

Двери лифта медленно открылись, и мы, держась за руки, вышли на парковку. Я, пока он не видел, другой рукой вытер губы. Ян Чэнь сел за руль, но не спешил уезжать. Он положил руку мне на затылок, прижал мой лоб к своему, и я мог видеть его красивые черты лица. Не зная, что он задумал, я молчал вместе с ним.

— ...Не умирай.

Прежде чем мне надоело ждать, Ян Чэнь наконец заговорил. Он поднял на меня глаза, и в них была тяжесть — что-то, чего я никогда раньше не видел в Ян Чэне. Он никогда не был тяжелым, потому что, кроме себя, его ничего не волновало. Ничто не могло его удержать, он был бродягой, кораблем, плывущим по течению, беззаботной птицей, чем-то легким и необремененным.

Он всегда жил ярко и свободно, словно всегда сиял, никогда не был ранен. Он был тем, кем я хотел стать. Я любил его, когда он был полон энергии, и никогда не думал, что он никогда не был ранен, потому что всегда ранил других.

Теперь я действительно стал таким, как он, стал таким же эгоистичным.

— Сюй Цзюньян, не умирай, — пальцы Ян Чэня, казалось, непроизвольно сжались, причиняя мне боль. — Раньше я не понимал, совершал много ошибок, но мы должны быть вместе всю жизнь, так нельзя. В будущем я буду больше прислушиваться к твоему мнению, хорошо? Расскажи мне, я хочу лучше понять тебя.

— У меня есть только ты... Не умирай.

«У тебя не только я, у тебя много всего».

Я, словно уколотый иглой, резко оттолкнул его, прислонился к двери и холодно посмотрел на него. Мне хотелось возразить, что у тебя есть все: красивое лицо, которое всегда привлекает внимание, поддержка семьи, предоставляющая деньги для твоего бизнеса, острый ум, позволяющий тебе легко ориентироваться в деловом мире. Ян Чэнь, он мог получить все, что хотел, и все же он сказал мне: «У меня есть только ты».

Эти слова, как клоун, широко улыбаясь, нагло смеялись надо мной —

Смешно.

Смешно до крайности.

Я прикрыл дрожащие губы тыльной стороной руки, яростно кусая внутреннюю часть щеки, пытаюсь успокоиться. Ян Чэнь молча смотрел на меня, и тяжелый воздух застыл между нами.

— У тебя есть все, не нужно унижаться, чтобы понять мнение такого незначительного человека, как я, — я знал, что говорить так прямо было слишком жестоко, но сейчас я не мог сдержаться. — Господин Ян, не шути.

— Я знаю, что ты все еще злишься на меня, я извиняюсь, — он сделал паузу. — Ругай меня, я буду слушать, бей, я не буду сопротивляться.

— Хватит. Поехали домой, — я глубоко вздохнул, не желая продолжать этот разговор, и повернулся.

<http://bllate.org/book/16832/1548661>